

терминов «эпистолярный источник» и «актовый источник» применительно к одним и тем же памятникам с акцентированием при этом либо аспекта формы текста, либо аспекта функции текста.

Попытка разграничить эпистолярные тексты и документы (актовые материалы) предполагает формулировку ответов на следующие вопросы: какой объем понятия «эпистолярный текст» устанавливает исследователь и какое определение актовых материалов – широкое или узкое – он принимает во внимание; какие экстралингвистические характеристики бытования изучаемых текстов известны; что различает содержательную структуру (формуляры) и стилистику сравниваемых текстов; какова специфика частных и официальных коммуникаций в изучаемых языковых коллективах анализируемой поры.

Мы относим к эпистолярным памятникам как частные светские и духовные письма, так и служебную корреспонденцию, в том числе официальные письма светских и духовных властей, т. е. реализуем широкий подход к определению границ эпистолярного жанра (см. отражение его в изданиях и исследованиях эпистолярного наследия исторических лиц: [1–4] и др.). Существует иной подход, согласно которому к эпистолярным источникам относятся только частные межличностные письма (образующие предмет специальной исторической дисциплины эпистографии), а все иные виды писем – это делопроизводственные источники [5, с. 154; 6, с. 3]. Изучая историю восточнославянской письменной коммуникации в тех сферах, которые не связаны с законодательной и договорной деятельностью, мы не ограничиваемся только частной перепиской и называем все исследуемые нами тексты эпистолярными, обращая внимание на их дискурсивно-стилистическое разнообразие. Частные светские и духовные письма находятся в центре полевой модели эпистолярной жанровой системы восточнославянского Средневековья, однако эта система богата, в ней взаимодействуют разные регистры и тональности общения, и, что особо значимо, границы разных видов писем «проницаемы» (например, послания Филона Кмиты-Чернобыльского: это служебные донесения, но стиль отдельных писем выходит далеко за границы служебных деловых коммуникаций).

Противопоставление частного письма официальному как отражение противопоставления частного дискурса официальному (или институциональному, или публичному) – проблема, которой здесь мы только коснемся. Снова обратимся к полевой модели эпистолярной жанровой системы, теперь уже анализируя по отдельности корпусы старорусских и старобелорусских частных и официальных писем (в т. ч. светских и духовных) и представляя каждый корпус как самостоятельное поле. Чем дальше от центра, тем больше в текстах языковых и структурно-композиционных признаков иной тональности общения, отличной от той, которая предопределена соотношением коммуникативных ролей адресанта и адресата и интенцией письма. В центре частных светских находятся бытовые грамотки XVI–XVII вв.; в центре частных духовных – учительные послания духовным чадам; в центре официальных светских писем, к примеру, княжеские послания по монастырям с призывом молить во время выступления на брань; в центре официальных духовных (также приведем конкретную разновидность в качестве примера) – воодушевляющие послания на брань, ответные на каузирующие их письма. На периферии светских частных и официальных писем оказываются тексты, имеющие признаки обеих тональностей общения (письма Василия Грязного Ивану IV; вся переписка Ивана IV с Андреем Курбским; ряд писем Филона Кмиты-Чернобыльского и др.). Вообще при анализе средневековых коммуникаций, на наш взгляд, невольно происходит проецирование современных регистров и стилей общения на средневековые. Однако что такое «частная сфера» и «официальная сфера» отношений в средневековой северо-восточной и западной Руси? Где проходил «водораздел»? Если говорить о наиболее четко противопоставленных сферах, то это мирская и церковно-религиозная, или светская и духовная – которые также регулярно пересекались.

Те тексты, которые мы размещаем в центре корпусов официальных светских или духовных посланий, анализируя параметр «частное vs официальное общение», оказываются уязвимыми при разграничении писем и документов, что обусловлено в том числе известной проблемой определения границ актовых

УДК 811.161.1'0438

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ И АКТОВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА СТАРОРУССКОМ И СТАРОБЕЛОРУССКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Зуева Ольга Владимировна
доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

Анализируются широкий и узкий подходы к определению объема понятия «эпистолярный источник», предлагается полевая модель эпистолярной жанровой системы, релевантная для описания экспликации частного и официального дискурсов в старорусских и старобелорусских письмах. Обосновывается невозможность проведения границы между эпистолярными и актовыми источниками по истории письменных коммуникаций при обращении к старорусским и старобелорусским официальным посланиям и правомерность использования

источников и их классификации [5, с. 18–22]. Все официальные письма могут быть отнесены к актовым материалам (в широком понимании последних, «документам вообще»), особенно если в письмах содержатся распоряжения носителей светской или духовной власти и тем более если в них есть компонент «санкция». В классификации С. М. Каштанова официальные письма включаются в следующую структуру: официальные письма светских властей относятся к распорядительному виду публично-правовых актов (*указные грамоты* или просто *указы*), а официальные письма духовных властей – к распорядительно-агитационному виду публично-правовых актов (*послания иерархов*) [5, с. 150–151].

Обращение к конкретным текстам показывает, насколько сложно бывает разграничивать сферы письменных коммуникаций в Средневековье и интерпретировать жанр официального письменного обращения. Пример – переписка дочери Ивана III Елены, выданной за Александра Ягеллончика, с родителями и братьями. Обмен посланиями через посольские делегации происходил начиная с 1495 г. В 1503 г. Еленой Ивановной были адресованы отцу, матери и братьям эмоциональные письма [8, с. 104–110], в которых соблюден эпистолярный этикет того времени. Ответом стала распорядительная грамота от великого князя, не имеющая приветствия-благопожелания и прощания (только интитуляция и инскрипция: *кто – кому*), не содержащая языковых средств эмоциональной оценки или интимизации речи, но зато содержащая санкцию. Как интерпретировать этот письменный полилог, т. е. какое дискурсивное единство образуют эти тексты? Когда и при каких обстоятельствах «не-документ» превращается в документ и наоборот?

Вопрос разграничения писем и «не-писем» (= актов и «не-актов») среди массива письменных диалогических источников связан не только с желанием классифицировать имеющиеся в распоряжении исследователей памятники «все без остатка» но и с попыткой реконструировать ситуацию общения, определить коммуникативные роли, в которых выступали адресант и адресат, обнаружить в текстах рефлексию адресанта над своей коммуникативной ролью.

Для разграничения письменных источников разработана методика формулярного анализа – однако хорошо известно, что есть общие элементы условного формуляра актов и условного формуляра (содержательной структуры) эпистолярных текстов. Собственно этикетный фатический компонент (приветствие, заключение-благопожелание) в документах минимален или полностью отсутствует – однако он минимален или отсутствует и в частных деловых письмах.

Название текста, а также его жанровая характеристика при упоминании его в другом тексте также не помогают дифференцировать разные виды источников, так как все старорусские официальные тексты светских властей – это *грамоты*, а все официальные тексты духовных властей – это *грамоты* или *послания* (в книжном дискурсе); все старобелорусские официальные обращения – это *листы*. Но среди них представлены тексты разного содержания с разными интенциями.

Термины «эпистолярный источник» и «актовый источник» имеют один референт в том случае, когда речь идет об официальном послании носителя светской или церковной власти (т. е. великого князя, митрополита, патриарха и др.). Письмо, т. е. эпистолярный текст, – это способ коммуникации; документ, т. е. текст, отличный от повествовательного или дидактического текста, фиксирующий различные социальные отношения и воздействующий на них, – функция этой коммуникация. Официальные обращения светских и духовных властей многообразны по содержанию. Когда присутствует самоназвание текста, отличное от старорусских и старобелорусских обозначений эпистолярных текстов (например, *верующая грамота*, *верующий лист*), когда нет никаких элементов формуляра, известных письмам, – лишь тогда нет оснований отнесения текста к эпистолярному источнику.

Список использованной литературы

1. Федотова, М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты / М. А. Федотова ; науч. ред. С. И. Николаев. – М. : Индрик, 2005. – 384 с.
2. Севастьянова, С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / С. К. Севастьянова ; науч. ред. Е. К. Ромодановская. – М. : Индрик, 2007. – 776 с.

3. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста : монография / Н. В. Глухих. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2008. – 150 с.
4. Лісты Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага // Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / БССР, Ін-т літ-ры імя Якуба Коласа ; уклад., уступн. артык. і камент. А. Ф. Коршунава ; рэд. Ю. С. Пшыркоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – С. 39–110.
5. Каштанов, С. М. Русская дипломатика : учебное пособие / С. М. Каштанов. – М. : Высшая школа, 1988. – 231 с.
6. Копосов, Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности : учебное пособие к спецкурсу / Л. Ф. Копосов. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. – 83 с.
7. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1: 1295–1598. – СПб., 1836. – 548 с.